

самостоятельном составлении заданий, текстов и т.д., особенно сейчас, в дни празднования юбилея Победы. Эффект может быть поразительным.

Вспомним, например, кто отмечал день Святого Валентина в том же 1985 г. – никто в нашей стране, и почти никто о нем тогда даже не слышал. Впервые информация о нем попала в учебники иностранных языков, и посвящалось ему всего 15 – 20 минут от урока. Его в шутку начали отмечать сначала в школах, надо же было чем-то заполнить пустоту после отмены сбора металлолома. И вот теперь он приобрел гипертрофированные формы, даже средства массовой информации отметили, что нигде день святого Валентина не отмечается так широко как в нашей стране, в принципе, чуждый, рядовой католический праздник.

То же самое, но в меньшей степени, произошло с Halloween (31 октября). Таким образом, положительный воспитательный эффект от занятий, посвященных Великой Отечественной войне и ее значению, несомненно будет. Нужно помнить высказывание – «Это нужно не мертвым, это нужно живым!»

Примечания:

1. Пассов Е.И. Урок иностранного языка в средней школе. М. 1988, С. 30.
2. Headway Elementary. Oxford University Press, 2001. P. 74.
3. Headway Upper-Intermediate, Oxford University Press. 2001. P. 122.
4. Headway Upper-Intermediate, Oxford University Press. 2001. P. 125.
5. Иностранные языки в школе 2010, №1. С. 27.
6. Там же. С. 85 – 94.
7. Методическая мозаика 2010. №1. С. 5 – 7.
8. News.1September.ru Все новости образования 2010, Ю.В. Царепкова.
9. «Внеклассная работа по английскому языку как средство воспитания патриотизма и культуры межнациональных отношений». www.ref-goga.ru
10. Кацыкова А.В. Потенциал уроков иностранного языка в воспитании патриотизма и культуры межнациональных отношений // Вестник Московского государственного областного университета 2008, №3. С. 57 – 61.

О. А. Мельчакова
Екатеринбург

Н. Н. ДЕМИДОВ И ЕГО ПЕТЕРБУРГСКИЕ УПРАВЛЯЮЩИЕ: РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕНТАБЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НИЖНЕТАГИЛЬСКИХ ЗОЛОТЫХ ПРИИСКОВ В 1823 – 1824 ГГ.

В 1823 г. началась добыча золота, а в 1824 г. промышленная добыча платины на приисках при Нижнетагильских заводах. В условиях ухудшения рыночной конъюнктуры на продукцию металлургического производства живший за границей владелец Нижнетагильских заводов Н. Н. Демидов придавал большое значение поиску и разработке золотосодержащих месторождений. Переписка Николая Никитича с управляющими Петербургской домовой конторы отразила его стремление понять специфику новой для него отрасли горного дела и добиться ее процветания. Новизна дела и географическая отдаленность от приисков заставляли заводовладельца считаться с мнением управляющих Петербургской домовой конторы, которые корректировали или даже отвергали его предложения и проекты.

В письме петербургским управляющим от 20 июля 1823 г. Н. Н. Демидов изложил свое намерение найти за границей специалиста в области минералогии для расширения золотодобычи [1]. Но управляющие высказались против «отыскания в чужих краях сведущего человека», изложил ряд веских, с их точки зрения, аргументов. Прежде всего, они считали крайне сложным «найти совершенно опытного практиком

человека» из иностранцев, ссылаясь на неудачную деятельность на заводах Ферри, который, по их мнению, был знатоком теории, но очень посредственным практиком. Кроме того, с их точки зрения, приглашение иностранца слишком дорого обходилось и, в конечном счете, ни к чему не приводило, «кроме больших и невозвратных убытков» [2]. Руководство Петербургской конторы убеждало Демидова в том, что нужного специалиста можно найти в России, сообщив, что Главная Нижнетагильская заводская контора уже обратилась в Пермское горное правление с просьбой «о снабжении ее сведущим чиновником по части золотых приисков, неизвестно только того, приискан ли и находится ли теперь на Ваших заводах таковой человек» [3]. Одним из способов обеспечения заводов минералогами петербургские управляющие считали также обучение заводских мастеровых на казенных золотых приисках, информируя хозяина о том, что шаги в этом направлении уже предприняты: «Для обучения промывке золота и средствам к отысканию оного в недрах земли на Екатеринбургских казенных промыслах давно уже находится два человека из заводских Ваших мастеровых, способных к понятию надобного искусства» [4].

Одним из результатов этой переписки явилось принятие Н. Н. Демидовым в феврале 1824 г. решения обучить за границей, во Фрейберге, горному делу двух подростков из числа учеников Выйского училища или школы при Петербургской конторе и двух молодых заводских штейгеров [5]. Петербургские управляющие в письме Демидову от 4 марта 1824 г., демонстрируя заботу об экономии господских средств, предложили выяснить возможность «практического обучения производству по золотым промыслам» в Горном корпусе, поскольку в нем «обучают минералогии также точно, как и в чужих краях, содержание же и обучение будут стоить вашему превосходительству дешевле, нежели во Фрейберге, и мальчики будут благонадежнее воспитанных в чужих краях» [6]. Но уже в мае того же года Петербургская контора доложила Демидову, что «по учиненной конторою справке оказалось, что для обучения минералогии в Горный корпус крепостных людей не принимают, а посему, во исполнение воли Вашей, два мальчика на сей предмет, вместе с двумя же штейгерами, из заводов сюда отправленными, во Фрейберг отправлены быть имеют. Один мальчик предназначен из здешней школы, оставшийся после дворового купленного, другой – из Выйской, из тех, кои выписываются сюда, обучившийся тому немецкому языку» [7]. Вместе с тем, управляющие предложили обучить несколько мальчиков в училище «по горной части», учрежденном в Петербурге графиней Строгановой «для «приготовления молодых людей к управлению горными заводами», а двух или трех отдать для обучения в Московскую коммерческую практическую академию, в которую, как они выяснили, можно устроить и крепостных, если они официально будут представлены в качестве воспитанников. По этому поводу петербургские администраторы сообщали: «Могут быть приняты и из крепостных, но только в объявлении, которое о принятии должно быть подано в академию от лица купеческого состояния, не должно называть их крепостными, а именовать своими воспитанниками, что очень можно сделать от имени из нижеподписавшихся Данилова, а обратно можно взять, когда кто пожелает» [8].

В круг наиболее актуальных и сложных проблем, обсуждавшихся в переписке Н. Н. Демидова с его столичными управляющими, входила проблема обеспечения «золотых промыслов» рабочей силой. В письме от 8 мая 1824 г. заводвладелец предписал в качестве возможного пути ее

решения временный перевод на прииски вотчинных крестьян. Но более детально осведомленные в ситуации на заводах и в вотчинах управляющие доложили, что время для отправки крестьян уже упущено, так как они успели разойтись на свои традиционные промыслы и предложили другие способы изыскания необходимых для приисков рабочих рук. В частности, они рассчитывали осуществить наем работников в Вятской губернии, где обычно нанимали рабочих на «железные караваны», в вотчинах сестры Н. Н. Демидова, Марии Никитичны Дурново, у киевских и белорусских помещиков, а также в окрестностях Нижнетагильских заводов.

В марте 1824 г. Демидов распорядился о покупке крестьян с целью их перевода на заводы и привлечения к работам на приисках [9]. Отвечая заводчику, руководство Петербургской конторы поставило под сомнение возможность реализации его распоряжения, приведя два веских аргумента. Во-первых, управляющие ссылались на законодательные акты, запрещающие покупку крестьян для их перевода на заводы, хотя и допускали в перспективе возможность отмены этого запрета обращением в коронные инстанции, в том числе, в Государственный Совет, используя заинтересованность властей в золотодобыче. Во-вторых, по их мнению, переселение купленных крестьян на заводы потребует больших финансовых вложений: «Потому что, как известно из примеров, каждая душа из купленных крестьян с переводом на заводы не дешево стоить будет 400 руб., при том надобно их там водворить, выстроить на Ваш счет дома, снабдить скотом на первый случай, кормить бесполезно таких, которые в работе способны быть не могут, ибо таковых в семействах случается немалое число. Все это сделав, потратя важную сумму на таковой предмет, после, употребляя их в работу, понадобится платы выдавать такие же, какие и вольно нанятые получать должны» [10]. Для экономии средств управляющие предлагали нанять «до 500 человек в Могилевской губернии или других местах из занимающихся земледельными работами людей на год и на два, даже и на три, с заключением надлежащих контрактов с самими лично мужиками или же с помещиками», рассчитывая, что труд наемных работников обойдется не на много дороже труда занятых на золотых приисках заводских крепостных. Разница в оплате возникнет лишь в связи с тем, «что наемным надобно будет произвести плату за проходные дни вперед на заводы и, по миновании контрактам сроков, обратно в дома их» [11].

Оптимистичные планы руководства Петербургской конторы осуществить наем в Могилевской губернии большого количества работников, видимо, основывались на слухах об успехе такого рода операции, предпринятой владельцем золотых приисков М. Ф. Ярцовым [12]. Но уже в апреле 1824 г. выяснилось, что слухи не соответствовали действительности, поскольку Ярцов лишь имел намерение «нанять из поляков землекопов 300 человек, для чего послал приказчика своего с евреем на сей предмет в Вытепскую губернию». Приказчик сообщил ему, что местные помещики предложили не самые выгодные условия: «Помещики по дальнейму расстоянию заводов и на двухгодальнее время крестьян своих отпускают неохотно, хотя и соглашаются отпустить, но только на год, с требованием платы по 110 руб. за каждого работника за год, считая со дня выхода в путь из места жительства их, содержать пищу в пути и на месте работ и во время прохода обратно, одевать платьем и обувью на счет нанимателя, что составит более 200 руб. на работника в год, то есть, 110 руб. помещику, по 7 руб. на месяц харчевых, 20 руб. на платье» [13].

Меры, предпринятые Петербургской конторой для найма работников в Вятской губернии, так же не привели к ожидаемым результатам. Так, неудачей закончилась попытка заводских служителей Е. Баженова и М. Шамарина совместить наем работников на «железный» караван с поиском двухсот наемных землекопов для золотых приисков, предпринятая ими в феврале 1824 г. Получив рапорт Баженова от 4 марта того же года, петербургские управляющие изложили содержание этого документа Н. Н. Демидову: «Он вообще с товарищем его через волостные правления вызывали желающих к производству ряды в город Орлов и, хотя явились некоторые, но всякие несовершеннолетние и неимущественные, с коими ряда была предположена: каждому человеку платить по 14 руб. деньгами и по 2 пуда ржаной муки в месяц, и что хорошие работники наняться не согласились, что четырем человекам десятникам, выбранным ими, предоставлено было набрать каждому свой десяток, но они набрали только 14 человек» [14]. Сам Баженов усматривал причину неудачи в том, что было упущено время для найма, а так же ссылаясь на свою занятость проблемами отправки заводского каравана. По его мнению, даже при самых больших усилиях можно было нанять не более 50 чел.

Петербургские управляющие, анализируя донесение Баженова, пришли к выводу, что неудачная вербовка землекопов на прииски была связана с предубеждением, существующим у потенциальных работников по поводу условий работы на золотых приисках, поскольку при отсутствии какого-либо опыта они представляли золотодобычу как слишком тяжелый труд. Руководство Петербургской конторы считало, что Баженов и Шамарин допустили просчет, отказавшись нанять всех изъявивших намерение заключить договоры, в том числе и несовершеннолетних работников: «Потому что, ежели б от таковых и не вышло предполагаемой пользы, но все же они, узнав сущность работы, впоследствии могли бы известить на Вятке свою братию о том, что работа сручна и нетрудна для всякого человека, каков бы он ни был, что гораздо лучше и покойнее, нежели той по Волге судовой» [15].

Получив известие о том, что Баженов и Шамарин не справились с порученным им делом, Н. Н. Демидов принял решение как можно быстрее командировать в Вятскую губернию кого-либо из находящихся неподалеку от нее служителей, чтобы предпринять еще одну попытку найма землекопов на прииски [16]. Петербургская контора назначила для этой цели служителя «железной продажи» в Казани Петра Борисова, которому предписывалось нанять от ста до трехсот работников в Лаишеве, а в случае неудачи найма в этом городе, попытаться найти наемных рабочих в Вятке, Орлове или Котельниче. Одной из важнейших задач, которую предстояло выполнить Борисову, управляющие считали как можно более широкое извещение населения Вятской губернии через волостные правления и знакомых ему лиц о перспективе найма на золотые прииски, о доведении до сведения потенциальных наемных, что им предлагают очень выгодные условия труда. Ему следовало делать акцент на том, что им придется заниматься только копкой земли и песка и переноской земли на отвалы, а такого рода работа посильна даже подросткам 12 – 15 лет, «что на зимнее время устроены на промыслах теплые избы и таковые же промывальни, что, при готовой ржаной муке, едва ли будет им стоить 6 руб. на месяц, ибо харчевые припасы там дешевле, а как одежда должна быть у них своя, следовательно, понадобится только обувь, то есть лапти с онучами, что стоит также дешево, а посему каждый работник может зарабатывать изрядное число наличных денег». Привлекательной стороной найма должна была

стать и выдача задатков и «проходных денег», а также возможность найма на удобный срок от нескольких месяцев до двух лет [17].

В качестве важнейшего фактора рентабельного функционирования золотых приисков Н. Н. Демидов рассматривал создание приемлемых условий труда для занятых на них работников и поощрение, как управляющих Нижнетагильской конторы, «открывателей» приисков, так и наиболее усердных рабочих раздачей подарков от своего имени.

Примечания:

1. ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 158. Л. 70.
2. Там же. Л. 70 – 70 об.
3. Там же. Л. 70 об.
4. Там же.
5. Там же. Д. 161. Л. 81 об.
6. Там же. Л. 82 об. – 83.
7. ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 161. Л. 195.
8. Там же. Л. 195 – 195 об.
9. Там же. Л. 110 об.
10. Там же. Л. 110 об. – 111.
11. ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 161. Л. 111.
12. Там же. Л. 115 об.
13. Там же. Л. 136 – 136 об.
14. Там же. Л. 146.
15. Там же.
16. Там же.
17. ГАСО. Ф. 102. Д. 161. Л. 147 – 148.

В.П. Микитюк
Екатеринбург

БРАТЬЯ МАКАРОВЫ

На рубеже XIX—XX вв. одной из наиболее динамично развивающихся торгово-промышленных фирм Екатеринбурга являлся торговый дом «Братья Макаровы». Фирма весьма эффективно развивала льнопрядильное и мукомольное производства, а также играла важную роль в торговле головными уборами, мукой, мучными мешками, брезентом и рядом других товаров. Братья Макаровы, Василий и Иван, были заметны и в общественной жизни Екатеринбурга. Несмотря на вышесказанное биографии основателей фирмы на сегодняшний день остаются малоизученными.

Дореволюционная периодическая печать и советская краеведческая литература не уделяли Макаровым большого внимания, а если братья все-таки попадали в поле зрения журналистов и краеведов, то удостаивались, как правило, резких и уничижительных оценок. Некий дореволюционный журналист написал о Макаровых следующее: «Одаренные от природы своей грубостью в большей дозе, невоспитанные — типичные «кулаки», «братья» отрицают за служащими право на сносное (хотя бы) человеческое существование и обращаются с ними хуже, чем с животными (иной хозяин со скотиной лучше обращается). Они (хозяева) при разговоре со служащими, особенно в конторе, не смотрят, с кем говорят, на приветствия не отвечают, говорят грубо, отрывисто, с явным пренебрежением» [1].

В советское время Макаровы удостоились внимания писателя П.П. Бажова, который отозвался о них довольно сдержанно: «Вообще Макаровы не казались новыми людьми. Это были просто оборотистые купцы, которые по случаю купили мельницу и поставили прядильню для мешковины, а сами продолжали торговать папками. Каждый, кто приходил в их магазин, мог видеть «очередного брата», который приветствовал посетителя, указывая, в